

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕЙДЕМАЙЕРЪ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Колизей. (Изъ воспоминаній о путешествіи по Италіи). Е. Вороздиной. — II. Римъ. (Стих.). Баратынскаго. — III. Коралловый островъ на Тихомъ океанѣ. А. С-вой.

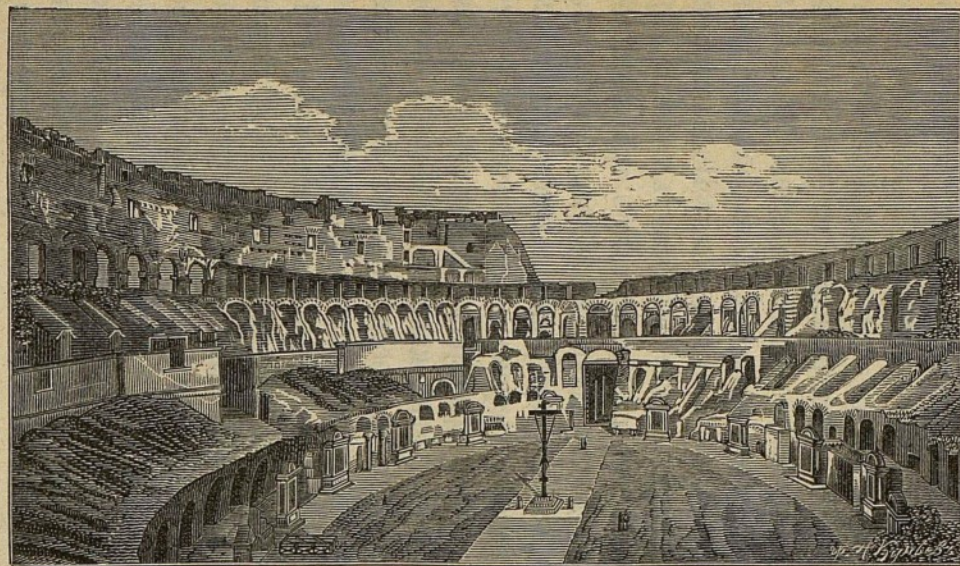
КОЛИЗЕЙ.

(Изъ воспоминаній о путешествіи по Италіи).

И ОДИНЪ древній памятникъ не поражаетъ такъ путешественника, какъ развалины римскаго Колизея. Громадность, великолѣпіе и изящество этихъ развалинъ ясно говорятъ о той высокой степени зодчества и художественности, на которой стояла Римская имперія того времени. Римляне по справедливости гордились своимъ Колизеемъ; они называли его вѣчнымъ и говорили: „Пока цѣль

Колизей, будетъ цѣль и Римъ, упадетъ Колизей, упадетъ и Римъ, и съ Римомъ разрушится и весь міръ“. Но Римъ древній погибъ, а Колизей стоитъ полуразрушенный, какъ привидѣніе. Волны семнадцати столѣтій со всѣми бурями, бѣдствіями и страстями прокатились надъ нимъ и все-таки не смогли окончательно разрушить исполинскія развалины. Онѣ стоятъ и свидѣтельствуютъ намъ о всѣхъ событіяхъ, о всѣхъ различныхъ измѣненіяхъ, какія вынесло человѣческое общество въ продолженіи 17-ти вѣковъ. Взоръ едва можетъ объять эти колоссальныя развалины, арки которыхъ, кажется, подпираютъ самыя облака. Кто разъ видѣлъ Колизей, тотъ никогда не забудетъ его. А кто опишетъ тѣ чувства, съ которыми путешественникъ вступаетъ подъ эти величественныя развалины! Передъ нами оживаетъ вся Римская имперія во всемъ своемъ величій, воскресаютъ кровавыя сцены, которыя совершались на его аренѣ, встаютъ тѣни тѣхъ мучениковъ, первыхъ христіанъ, которые съ такою вѣрою, энергіей и твердостью принимали мученическую смерть за Христа и своею кровью пролагали путь великой христіанской религіи.

Колизей былъ начатъ императоромъ Флавіемъ Веспасіаномъ по возвращеніи его изъ іудейскаго похода, и говорятъ, что сооружали его плѣнные іудеи, приведенные Веспасіаномъ въ Римъ. Триумфальный въѣздъ Веспасіана въ Римъ совершался самымъ торжественнымъ образомъ. Шествіе начиналось отъ Марсова поля и чрезъ весь городъ и триумфальныя ворота проходило въ Капитолій. Всѣ улицы, по которымъ проѣзжалъ побѣдитель, были усыпаны цвѣтами, а на жертвенникахъ курились благоуханія. Впереди процессіи шли музыканты и пѣвчіе, игравшіе хвалебныя пѣсни въ честь побѣдителя. За ними вели быковъ съ позолоченными рогами и головами, украшенными вѣнками и разноцвѣтными перевязями, назначенными для жертвоприношеній. Потомъ на колесницахъ везли отнятую у непріятеля добычу: статуи, вазы, порталы, оружіе, золото, серебро, мѣдь, золотые вѣнки

ВНУТРЕННОСТЬ КОЛИЗЕЯ.

и другіе подарки, присланные союзниками или данниками Рима, и съ ними вмѣстѣ несли доски, на которыхъ были написаны имена взятыхъ городовъ и побѣжденныхъ народовъ. Наконецъ, шли іудейскіе полководцы, закованные въ цѣпи, съ своими дѣтьми, женами и приближенными, далѣе триумфальная колесница Веспасіана, окруженная остальными плѣнными іудеями. Эти послѣдніе были потомъ раздѣлены на классы: женщины и дѣти проданы за дешевую цѣну въ рабство, часть мужчинъ отослана на работы въ Египетъ, но большая часть оставлена для сооруженія Колизея—говорятъ, ихъ было до 30,000 человѣкъ. Колизей былъ построенъ въ самомъ центрѣ стараго Рима, между Палатинскимъ и Эквилинскимъ холмами, подлѣ прудовъ въ садахъ Нерона. Онъ былъ построенъ изъ цѣльныхъ глыбъ травертинскаго камня, скрѣпленныхъ между собою желѣзными скобами. Впрочемъ, матеріаломъ для его постройки отчасти послужилъ и развалившійся дворецъ Нерона. Для верхнихъ частей Колизея взяты капители и мраморные карнизы самой изящной работы изъ дворца, равно какъ и желѣзныя скобы. Кромѣ того, безчисленное множество кусковъ травертинскаго мрамора и столбовъ, украшавшихъ Колизей, были взяты оттуда же. Форма амфитеатра была эллиптическая въ 1,763 футовъ въ окружности, 564 футовъ въ длину и 467 футовъ въ ширину. Это громадное зданіе утверждалось на 180 огромныхъ сводахъ; наружныя стѣны его были обложены мраморомъ и украшены статуями. Шестьдесятъ одинъ входъ вели въ Колизей; входы и выходы были устроены такъ искусно, что каждый, къ какому бы классу зрителей онъ ни принадлежалъ, могъ занимать и покидать свое мѣсто, не производя ни малѣйшаго безпорядка. Внутренняя часть амфитеатра или арена занимала пространство въ 281 ф. длины и въ 178 ф. ширины, и имѣла тоже форму продолговатаго круга. Посреди ея стояла статуя Юпитера, она составляла сцену. Статуя эта была сдѣлана по приказанію Нерона знаменитымъ въ то время скульпторомъ Зенодоромъ для его знаменитаго дворца,

названнаго золотымъ дворцомъ, сооруженнаго послѣ римскаго пожара въ 64 г. по Р. Х. Эта громадная статуя, 120 футовъ вышины, была вылита изъ бронзы и представляла Юпитера или солнце, но въ сущности была изображеніемъ самого Нерона и была поставлена въ прихожей дворца. Впослѣдствіи Адріанъ велѣлъ перенести ее въ Колизей, на что потребовалось 24 слона. Пьедесталь этой статуи до сихъ поръ видѣнъ въ Колизеѣ. Арена отдѣлялась отъ мѣстъ зрителей каналомъ и золотымъ или золотобронзированнымъ брустверомъ въ 15 ф. вышиною. Стѣна эта и каналъ должны были предохранять зрителей отъ дикихъ звѣрей, разъяренныхъ во время травли, бѣшено прыгавшихъ по аренѣ и часто достигавшихъ первыхъ рядовъ ложъ. Въ этой стѣнѣ были подѣланы затворы для звѣрей, запиравшіеся бронзовыми, золоченными рѣшетками, чрезъ которыя звѣри выпускались на арену и чрезъ которыя на нее выходили и гладіаторы. Платформа этой стѣны называлась подіумомъ, *podium*, и на ней была устроена первая галлерей съ ложами для зрителей. Галлерей эта предназначалась собственно для императора, весталокъ, сенаторовъ и римскихъ патриціевъ. Надъ этой первой галлереей шла вторая и третья, назначавшіяся для всѣхъ остальныхъ зрителей, и были устроены уступами одна надъ другою до самой верхней части зданія, которое оканчивалось галлереею съ колоннадою, составлявшей четвертый и послѣдній этажъ зданія. Эта галлерей предназначалась для женщинъ, солдатъ и сторожей. Всѣ галлерей, равно какъ и самая арена, были украшены статуями и поддерживались колоннами, которыхъ было до 80-ти въ каждомъ ряду, и полуколоннами различныхъ орденовъ, которыя образовали до 320 арокъ. Всѣ галлерей вмѣщали до 87,000 зрителей, а терасса или послѣдняя галлерей, находящаяся надъ ними, вмѣщала 20,000. На наружныхъ стѣнахъ Колизея до сихъ поръ видны дыры, въ которыя вкладывались бронзовые брусья, служившіе для прикрѣпленія *velarium*'а или навѣса, протягиваемаго надъ всѣмъ зданіемъ для защиты зрителей

отъ сильнаго жара или дождя. Стоя теперь среди развалинъ, теряешься въ догадкахъ: какимъ образомъ могло это быть и каковъ долженъ былъ быть наметъ этотъ, чтобы закрыть такое огромное пространство. Между тѣмъ все историки, описывавшіе Колизей, говорятъ о немъ и даже передаютъ, что натягивавшіе этотъ наметъ рабочіе были одѣты матросами и ихъ требовалось нѣсколько сотенъ. По данному знаку, въ ту же минуту происходило общее движеніе, скрипѣли канаты и громадный наметъ мало-по-малу скатывался на средину и закрывалъ все внутреннее пространство амфитеатра. Говорятъ даже, что во времена Тита наметъ былъ изъ шелковой матеріи пурпуроваго цвѣта, вышитый золотомъ. Воздухъ освѣжался плескомъ фонтановъ, и безчисленное множество маленькихъ трубочекъ разливало дождь дорогахъ благоуханій, который, какъ роса, покрывалъ зрителей.

Начатый Веспасіаномъ, амфитеатръ былъ окончательно отдѣланъ при сынѣ его Титѣ и открытіе его сопровождалось торжествами, стоившими милліоны; на нихъ было затравлено сотни самыхъ рѣдкихъ звѣрей, и убито до 1,000 гладіаторовъ. На аренѣ Колизея была дана наумахія, т. е. примѣрное морское сраженіе. Таковъ былъ Колизей въ цвѣтушія времена Римской имперіи и имъ по справедливости гордились римляне, называя его Колоссеемъ или Колизеемъ, что значитъ колоссъ. Въ этомъ амфитеатрѣ въ продолженіи трехъ вѣковъ давались разныя кровавыя представленія: игры гладіаторовъ, ристалища, гимнастическая борьба, которая состояла въ бѣганьи, скаканіи, бросаніи диска,—при этомъ борцы сражались почти нагими,—травли звѣрей, до которыхъ римляне были большіе охотники.

Сначала игры гладіаторовъ совершались только при похоронахъ и замѣняли варварскій обычай приносить въ жертву рабовъ и плѣнниковъ. Первая гладіаторская борьба была дана братьями Брутами при похоронахъ отца. Игры эти такъ понравились народу, что ихъ стали давать ради удо-

вольствія народа во время Сатурналій и въ праздники Минервы. Римляне до такой степени пристрастились къ этому ужасному зрѣлищу, что оно стало ихъ любимымъ увеселе-ніемъ. Безчисленное множество зрителей собиралось на эти игры и передъ ними выступали тысячи гладіаторовъ. Для этого выбирали самыхъ красивыхъ, сильныхъ и могучихъ рабовъ и плѣнныхъ и заставляли ихъ драться на смерть, давая свободу и награду самому искусному изъ бойцовъ. Но такъ какъ борьба гладіаторовъ требовала искусства, то устроили гладіаторскія школы, которыя находились подъ вѣдѣніемъ приставовъ, *Lanistæ*. Эти послѣдніе покупали плѣнныхъ и рабовъ, содержали ихъ очень пышно и роскошно въ своихъ школахъ, что стоило очень дорого. Во время своихъ учебныхъ упражненій будущіе гладіаторы сражались деревянными мечами. Сначала, какъ я уже сказала, гладіаторами были плѣнные, рабы и преступники, осужденные на смерть; но впослѣдствіи въ гладіаторы шли свободные граждане и даже знатные римляне, то по склонности къ боямъ, то изъ желанія получить награду. Гладіаторы сражались разнымъ оружіемъ и носили разныя названія. Тѣ, которые были вооружены щитомъ, мечемъ и шлемомъ, назывались секуторами, *secutores*. Вооруженные трезубцемъ и сѣтью назывались ретиаріями, *retiarius*. Эти послѣдніе большею частію сражались съ секуторами. Своею сѣтью ретиарій старался запутать противника: набросивъ ее ему на голову, онъ притягивалъ его къ себѣ и закалывалъ трезубцемъ. Если же это ему не удавалось и онъ бросалъ сѣть или слишкомъ далеко, или близко, то немедленно обращался въ бѣгство, стараясь изловить своего противника вторично, между тѣмъ какъ послѣдній быстро преслѣдовалъ его. Тѣ гладіаторы, у которыхъ на шлемѣ была рыба, назывались мирмилонами, *mir-millones*. Оружіемъ ихъ были щитъ, искривленный мечъ или кинжалъ, и гладіаторъ, выходявшій на борьбу съ нимъ, говорилъ: „Я нападаю не на тебя, но на твою рыбу.“ Тѣ, которые дрались двумя короткими мечами, назывались *dî-*

machaeri; *laquearii* должны были ловить и душить противника арканомъ. Были гладіаторы, по примѣру галловъ и бриттовъ, сражавшіеся на колесницахъ; они назывались *essedarii*. *Andabatae* сражались на коняхъ съ завязанными глазами. Кромѣ того гладіаторы, смѣнявшіе усталыхъ собратій, назывались *supposititii*. Отборные по силѣ и искусству гладіаторы, которыхъ часто требовалъ народъ, назывались *postulatitii*. Гладіаторы, содержавшіеся на особенномъ иждивеніи императоровъ и бившіеся только по ихъ приказанію, назывались *caesarianii*. Сражавшіеся стѣна на стѣну назывались *catervarii* и пр.

Желавшій дать гладіаторскія игры извѣщалъ объ этомъ заранее посредствомъ всенародныхъ объявленій, въ которыхъ долженъ былъ обозначить о числѣ гладіаторовъ и выставить имена знаменитѣйшихъ изъ нихъ. Въ назначенный для игръ день, изображенія римскихъ боговъ являлись въ Колизеѣ и съ торжествомъ обносились вокругъ арены, послѣ чего назначенные для боя гладіаторы въ торжественной процессіи обходили арену, потомъ раздѣлялись на пары, и какъ бы приготовляясь къ бою, сражались деревянными мечами. Наконецъ, по данному трубою сигналу, они бросали деревянные мечи, поспѣшно становились на свои мѣста и брались за оружіе. Каждый сражающійся старался сбить съ мѣста своего противника и принудить его отступить. Нападая одинъ на другаго, они старались не только колоть другъ друга, но и рубить. Борьба эта до такой степени занимала собравшихся зрителей, что изъ среды ихъ раздавались оглушительные крики одобренія. Но вдругъ наступало гробовое молчаніе, бывшее всегда предвѣстникомъ смерти одного изъ гладіаторовъ. Какъ только гладіаторъ получалъ рану, противникъ его восклицалъ: „естъ“, и раненый опускалъ свое оружіе въ знакъ того, что побѣжденъ. Случалось, что раненый старался скрыть свою рану и, падая, посылалъ послѣдній, отчаянный ударъ противнику. Но во всякомъ случаѣ судьба его была въ рукахъ народа и если

зрители позволяли ему остаться живымъ, то опускали большіе пальцы внизъ; если же желали его смерти, то подымали ихъ кверху и тогда раздавались неистовые крики: „возьми мечъ“! и гладіаторъ, часто раненый смертельно, съ необыкновенною твердостью исполнялъ это требованіе. Но какъ страшно должны были раздаваться въ ушахъ умирающаго человѣка эти бездушные крики. Но этого мало. Раненый не осмѣливался выказывать ни малѣйшаго страданія, и въ предсмертныхъ мукахъ долженъ былъ выставять передъ зрителями все свое мужество, иначе, если онъ умиралъ не охотно и на лицѣ его выражалась малѣйшая тѣнь страданій, народъ требовалъ немедленнаго его умерщвленія. Такимъ образомъ одинъ поединокъ смѣнялся другимъ, бились группами, парами, и масса народа, опьяненная кровавыми зрѣлищами, увлекалась до того, что не смотря на жаръ или холодъ, проводила часы и дни въ амфитеатрѣ, и въ какомъ то бѣшеностіи волненія смотрѣла на арену, не спуская глазъ, а арена въ продолженіи нѣсколькихъ дней дымилась кровью падшихъ жертвъ. Зрители дѣлились на партіи, держали огромныя пари, какъ у насъ во время скачекъ, спорили, кричали и нерѣдко случалось, что отъ похвалъ или порицаній переходили къ схваткамъ и на скамьяхъ происходили новыя, кровавыя сцены. Разъ случилось такое происшествіе: императоръ велѣлъ отличившемуся гладіатору снова вступить въ бой съ тремя противниками. Храбро вышелъ на нихъ гладіаторъ, убилъ двухъ первыхъ, но въ борьбѣ съ третьимъ палъ, изнемогая отъ ранъ и истощенія. Смерть его такъ подѣйствовала на зрителей, что они бросились другъ на друга и произвели страшное кровопролитіе, въ которомъ было убито и ранено до 30,000 человѣкъ. Сами императоры увлекались этими безчеловѣчными играми и уже недовольствуясь однимъ созерцаніемъ ихъ, лично принимали въ нихъ участіе. Разсказываютъ, что императоръ Коммодъ выступилъ на арену, и нагой, съ однимъ мечемъ въ рукахъ, вызывалъ гладіаторовъ въ бой. Но гладіаторы, вступавшіе съ

нимъ въ борьбу, не осмѣливались ранить его и лишь только сами получали отъ него рану, кидались передъ нимъ на колѣни, признавая себя побѣжденными. Такимъ образомъ Коммодъ побѣдилъ 1,000 гладіаторовъ и послѣ такой знаменитой побѣды велѣлъ снять съ пьедестала статую Юпитера и на мѣсто ея поставить свое собственное изображеніе съ надписью: „побѣдителю тысячи гладіаторовъ“.

Награды, раздаваемые побѣдителямъ, состояли изъ пальмовыхъ вѣнковъ и вѣтвей, украшенныхъ разноцвѣтными лентами; давались и денежные награды. Старѣйшему изъ гладіаторовъ или молодому, выказавшему необычайную неустрашимость и ловкость, по желанію народа давали деревянные мечи. Это означало, что они уже освобождаются отъ гладіаторскихъ игръ, и тогда, получившій такую награду вѣшалъ свое оружіе въ храмъ Геркулеса и назывался *rudiaris*. Иногда эти отставные гладіаторы соглашались снова выходить на арену за большую награду. Замѣтимъ кстати, что гладіаторы всегда сражались нагими и только одни *ретіаріи* носили очень короткую тунику. Женщинамъ было запрещено присутствовать при гладіаторскихъ играхъ безъ разрѣшенія тѣхъ, кому онѣ принадлежали, т. е. отцовъ или мужей; но впослѣдствіи это запрещеніе было отмѣнено и имъ отвели въ амфитеатрѣ самую высокую галлерею.

Кромѣ гладіаторскихъ игръ самымъ обыкновеннымъ зрѣлищемъ въ Колизеѣ была борьба дикихъ звѣрей, которыхъ привозили въ Римъ изъ всѣхъ частей свѣта и которые стоили громадныхъ денегъ; ихъ выпускали на арену и они терзали и рвали другъ друга. Ихъ всѣми силами старались привести въ ярость: разбрасывали вокругъ нихъ тѣ цвѣта, которые были имъ ненавистны, били ихъ бичами, царапали бока крючьями, кололи раскаленнымъ желѣзомъ, и звѣри какъ бѣшеные бѣгали по аренѣ. Земля дрожала отъ ихъ ужаснаго рева, пыль взвивалась столбомъ, когда они въ ярости взрывали когтями своими песокъ арены и съ бѣшенствомъ бросались другъ на друга и разрывали другъ друга

на куски. Въ этотъ то моментъ имъ бросали людей, рабовъ, плѣнныхъ. Отчаянные вопли несчастныхъ, восторженные, неистовые крики зрителей, ревъ звѣрей потрясали воздухъ, а несчастный, попавшійся въ когти разъяренной львицы или тигра, немедленно былъ разрываемъ ими на части, и тогда раздавались оглушительные крики одобренія. Иногда народъ требовалъ, чтобы звѣрь, побѣдившій человѣка, получилъ свободу и былъ отпущенъ въ свое отечество. Борьба между людьми и звѣрями была еще ужаснѣе, но за то и популярнѣе, такъ что въ ней принимали участіе не только императоры, но и женщины. Послѣднія имѣли смѣлость вступать въ борьбу съ самыми свирѣпыми изъ нихъ. Для представленій такого рода назначались люди извѣстнаго класса: одни изъ нихъ были вооружены, другіе были несчастные рабы, плѣнники, которымъ не позволялось имѣть оружія. Они предавались звѣрямъ беззащитными. Къ этой послѣдней категоріи принадлежали и христіане. До сихъ поръ римляне любовались на ту безумную отвагу, съ которой боролись гладіаторы между собою; они восхищались воплями отчаянія бросаемыхъ въ добычу звѣрямъ рабовъ и плѣнныхъ; но теперь имъ приходилось присутствовать при новомъ зрѣлище: видѣть людей: юношей, молодыхъ дѣвушекъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей, вырываемыхъ изъ семьи, которые безстрашно, съ сіяющимъ челомъ, вступали на арену; слышать вмѣсто отчаянныхъ криковъ хвалебную пѣснь Богу истинному, людей, которые не вступали въ борьбу съ звѣрями, но спокойно ожидали своей участи, возносясь духомъ къ тому Богу, за котораго полагали жизнь свою. Это новое зрѣлище поражало массу зрителей удивленіемъ. Но опустимъ покрывало на эти кровавыя сцены языческаго міра.

Въ Колизеѣ однакоже не всегда давались такія ужасныя зрѣлища; иногда на сценѣ являлись комическія и трагическія представленія. Въ особенности были интересны представленія дрессированныхъ животныхъ. Писатели того времени рассказываютъ о слонѣ, ходившемъ по канату;

о слонѣ, сидѣвшемъ на стулѣ въ костюмѣ римской матроны, котораго служители носили по аренѣ. Разсказываютъ о львѣ, который долженъ былъ представлять кротость, и съ вызолоченными когтями и гривой, увѣшанною золотомъ и драгоценными камнями, играть съ зайцемъ, брать это маленькое и испуганное животное въ свою пасть, класть на свою спину и оказывать ему необыкновенную нѣжность. Были еще слоны, изъ которыхъ шесть одѣтые въ мужское платье и другіе шесть въ женское, сидѣли за столомъ и кушали отборныя блюда, пили вино изъ золотыхъ чашъ и дѣлали всевозможныя штуки своими хоботами. Наконецъ были такіе слоны, которые на аренѣ исполняли пиррійскій танецъ *) и разбрасывали цвѣты. Тутъ же на аренѣ давались морскіе маневры. Въ подземныхъ ходахъ Колизея были проведены трубы съ водою, такъ что арена могла превращаться въ огромное озеро, по которому плавали вооруженные корабли, давали примѣрныя морскія сраженія и пр. Однажды большой корабль, наполненный матросами, пассажирами и различными звѣрями, потерпѣлъ крушеніе на этомъ искусственномъ морѣ. По данному знаку весь корабль былъ залитъ водою и на аренѣ Колизея разыгрались все ужасы кораблекрушенія. Страшный ревъ звѣрей, отчаянные вопли несчастныхъ, утопающихъ рабовъ—вотъ музыка, плѣнявшая слухъ римскаго народа.

Искусный механизмъ, устроенный подъ ареною, давалъ возможность разыгрывать пьесы съ превращеніями. Такимъ образомъ на аренѣ Колизея давалась басня объ Орфее. Арена внезапно раскрывалась, въ нѣсколькихъ мѣстахъ появлялись деревья съ листьями и золотыми яблоками и глазамъ зрителей представлялся волшебный садъ Гесперидъ, въ которомъ бѣгали дикіе звѣри, и гдѣ несчастный рабъ, представлявшій Орфея, былъ въ дѣйствительности разрываемъ какимъ нибудь медвѣдемъ или львомъ. Несмотря на

*) Воинственная пляска, выдуманная Пирромъ, сыномъ Ахиллеса.

всю высокую культуру Римской имперіи, культура эта не была согрѣта христіанскою заповѣдью любви, равенства и братства; язычество и рабство тяготѣло надъ всѣмъ древнимъ міромъ и жизнь человѣка считалась ни во что. Если случалось, что машины дѣйствовали не такъ скоро и происходило какое либо замѣшательство въ представленіи, распорядитель тутъ же, въ глазахъ зрителей, предавался смерти, такъ какъ подобное обстоятельство считалось оскорбленіемъ императорскаго величества.

Въ продолженіи трехъ вѣковъ Колизей служилъ мѣстомъ подобныхъ кровавыхъ зрѣлищъ; но, наконецъ, гладіаторскія игры были запрещены Константиномъ и совершенно уничтожены Гоноріемъ. Съ XI-го вѣка вплоть до 1312 года, Колизей сталъ мѣстомъ заточенія, Бастиліей знатныхъ римлянъ, и къ этому времени можно отнести начало его разрушенія, которое dokonчили варвары, такъ часто нападавшіе на Римъ и, наконецъ, разрушившіе Римскую имперію, и сами римляне первые уничтожили всѣ статуи, украшавшія Колизей; но все-таки стѣны его поражали своимъ величіемъ, такъ что въ 1336 году на его аренѣ былъ данъ великолѣпный рыцарскій турниръ, послѣ котораго долгое время занимались уничтоженіемъ Колизея. Матеріалы, изъ которыхъ онъ былъ построенъ, пошли на постройку новыхъ дворцовъ и церквей вѣчнаго города. Огромный дворецъ венеціанскаго посольства, дворцы Фарнезе и Барберини и другіе построены изъ развалинъ Колизея. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали заботиться о сохраненіи развалинъ и даже стали поправлять ихъ. И такъ Колизей пережилъ цѣлую исторію: при Титѣ онъ былъ великолѣпнымъ циркомъ, Голговою первыхъ христіанъ, при Діоклетіанѣ, мѣстомъ средневѣковыхъ турнировъ; потомъ сдѣлался, такъ сказать, каменеломнею, назначенною для постройки новыхъ зданій Рима, и наконецъ, забытый всѣми, потому что ни у кого не хватило силы разрушить его, Колизей стоитъ до сихъ поръ, какъ удивительный памятникъ древняго міра.

Кто сдѣлалъ планъ, какой великій умъ придумалъ и исполнилъ это удивительное зданіе, разсчиталъ съ образцовой правильностью всѣ его размѣры, поднялъ и поставилъ сводъ на сводъ, ряды на ряды? Кто былъ этотъ человѣкъ? Имя его не было извѣстно. Даже ученый историкъ прошлаго вѣка Марангони писалъ: „Замѣчательно, что не смотря на славу этого произведенія, столь удивительнаго по своей архитектурѣ, неподражаемаго въ своемъ исполненіи, которое Марціалъ ставилъ выше всѣхъ чудесъ свѣта,—замѣчательно, что ни онъ и никто изъ писателей послѣдующаго времени не упомянули о его великомъ строителѣ“. Марціалъ былъ поэтъ, писавшій во времена Веспасіана, Тита и Домиціана. Онъ воспѣвалъ императорскій дворецъ, построенный Робіеріемъ, онъ не умалчиваетъ и о Колизеѣ. Его лучшія поэмы изображаютъ ужасы, происходившіе въ немъ, а между тѣмъ молчить, не упоминая ни слова о строителѣ Колизея. „Не съ большимъ ли правомъ, продолжаетъ говорить Марангони, онъ долженъ бы былъ обезсмертить имя и славу великаго строителя Колизея—зданія, далеко превосходившаго палатинскій дворецъ, построенный извѣстнымъ Марціалу лицомъ“.

Семнадцать столѣтій протекло съ постройки Колизея, а имя строителя все оставалось неизвѣстно, пока случай не открылъ его. Стали дѣлать раскопки въ катакомбахъ св. Агнессы на *via Nomentano* и нашли простой гробъ; онъ былъ закрытъ мраморной доской, на которой были вырѣзаны вѣнокъ и пальма; подлѣ гроба былъ найденъ маленькій сосудъ съ кровью — несомнѣнныя свидѣтельства могилы мученика. Надпись говорила, что здѣсь лежатъ останки Гавденція, строителя Колизея. И такъ Гавденцій былъ христіаниномъ. Вотъ почему римскій поэтъ не смѣлъ говорить о немъ, боясь рисковать своею собственною жизнью. Римскіе императоры нетолько хотѣли уничтожить христіанство, но и изгладить его изъ памяти человѣчества. Ни одинъ общественный актъ не допускался въ пользу христіанъ; скры-

вать христіанина считалось измѣною, равно какъ и хвалить его и считать христіанина способнымъ къ чему нибудь хорошему и благородному. Гавденцій былъ похороненъ въ катакомбахъ, гдѣ первые христіане хоронили своихъ братьевъ, гдѣ они совершали свои богослуженія и куда часто скрывались отъ преслѣдованій. Ночью люди эти собирали тѣла замученныхъ въ Колизеѣ своихъ друзей, родныхъ и братьевъ по вѣрѣ и погребали въ мрачныхъ пещерахъ катакомбъ. При блѣдномъ свѣтѣ лампы, на иныхъ гробницахъ можно еще и теперь найти надписи и короткіе стихи, высѣченные рукою оставшагося друга или родственника. И на гробницѣ Гавденція мы читаемъ:

Sic. premia. servas. Vespasiane. dire.
 Premiatvs. es. morte. Gavdenti. letare.
 Civitas. vbi. giorie. tve. avtori.
 Promisit. iste. dat. kristvs. omnia. tibi.
 Qvi. alivm. paravit. thetarv. in. celo.

(Веспасіанъ общалъ тебѣ великія награды, такъ повидимому говорилъ онъ, но лживъ и неблагодаренъ былъ язычникъ. Великій Творецъ неба, не ложный во всѣхъ общаніяхъ, въ награду за твою добродѣтель приготовилъ тебѣ мѣсто въ вѣчномъ театрѣ небеснаго града). Доска, на которой сохранилась эта надпись, въ настоящее время находится въ подземной капеллѣ святой Мартины на форумѣ. Дѣва Мартина была брошена звѣрямъ въ Колизеѣ. Эта подземная церковь или капелла богато украшена. Въ ней находится много кусковъ рѣдкаго дорогаго мрамора, но самое лучшее ея украшеніе — это необдѣланная плита Гавденція, который кажется и былъ первымъ мученикомъ Колизея. Впрочемъ, намъ ничего неизвѣстно о его мученичествѣ; о жизни и смерти его исторія умалчиваетъ.

Теперь, зная исторію Колизея, войдемъ подъ тѣнь его величественныхъ развалинъ. Снаружи мы видимъ громадное зданіе, у котораго съ одной стороны сохранились всѣ четыре этажа арокъ, съ другой всего три, но и третій яв-

ляется полуразрушеннымъ. Войдя въ громадныя ворота, взорамъ нашимъ представляется обширная арена, по срединѣ которой возвышается крестъ. Съ трепетнымъ благоговѣніемъ ступала я по песку арены: мнѣ казалось, что каждая песчинка была орошена кровью мучениковъ. Въ сущности оно такъ и есть. Преданіе говоритъ, что когда св. Григорій Великій, въ 570 году, былъ возведенъ въ санъ римскаго первосвященника, то императоръ Юстиніанъ, по принятому древнему обычаю, послалъ пословъ своихъ съ поздравленіемъ къ святителю, то послы, собираясь уже въ возвратный путь, просили св. Григорія дать имъ останки какого либо мученика. Св. Григорій привелъ ихъ въ Колизей, взялъ съ арены горсть песку и завернувъ его въ платокъ, подалъ посламъ. Послѣдніе, не подозрѣвая значенія подарка, вѣжливо отказались отъ него. Тогда св. Григорій сказалъ: „Вы не знаете, что здѣсь заключается“. Онъ раскрылъ платокъ, который весь былъ въ крови. Кровь эта была кровь мучениковъ, страдавшихъ въ Колизеѣ. Благоговѣнно преклонилась я передъ символомъ нашего спасенія и возрожденія, передъ символомъ той высокой братской любви, примѣромъ которой служилъ Христосъ. Но чувство это мгновенно исчезло при видѣ надписи, начертанной около креста. Она гласитъ, что тому, кто поклонится этому кресту, будутъ отпущены грѣхи на 30 лѣтъ *). Надпись эта пробудила мои воспоминанія о томъ, что люди съумѣли сдѣлать изъ великой христіанской религіи орудіе для своихъ земныхъ страстей. Но обратимся къ Колизею. Окинувъ взглядомъ эту колоссальную развалину, я увидѣла первый рядъ ложъ, то, что называлось подіумомъ. Онъ весь заваленъ мусоромъ, но стѣна, отдѣлявшая этотъ рядъ отъ арены, существуетъ и около нее построили 14 ал-

*) Говорятъ, что послѣ моего отъѣзда, какъ крестъ, такъ и алтари сняты, и въ настоящее время арена и подземелья Колизея, а также и вся мѣстность вокругъ него, очищаются. Можно себѣ представить, насколько Колизей еще выигрываетъ въ величественности, когда отроютъ его основаніе отъ наносовъ, накопившихся вокругъ него болѣе чѣмъ на сажень.

КОЛИЗЕЙ.

тарей, съ изображеніемъ страстей Христовыхъ. Выше идутъ арки, гдѣ были остальные ряды ложъ и скамей; но все это болѣе или менѣе разрушилось и покрылось различными растеніями и мхами *). Тутъ качаются вѣтки тонкой жимолости, здѣсь вьются страстно цвѣты **), тамъ огромный обломокъ обвить роскошнымъ плющемъ; тутъ проворно скользятъ пестрая ящерица, здѣсь грѣтся на солнцѣ другая, а тамъ по песку арены пробирается черный жукъ. Я прошла по нижнему ярусу, гдѣ, какъ видно, и были логовища звѣрей. Тутъ растутъ кустики папоротника, тотъ же плющъ, въ перемежку съ другими вьющимися растеніями, обвиваетъ стѣны, и надъ всѣмъ этимъ стоитъ ярко-голубое итальянское небо, золотое солнце и плаваютъ легкія, прозрачныя серебряныя облака.

Е. Бороздина.

Римъ.

12—18 августа 1874 года.

*) Растительность Колизея состоитъ болѣе чѣмъ изъ 300 видовъ, смена которыхъ по большей части занесены птицами.

**) Passiflora.

Р И М Ъ.

Ы БЫЛЪ ЛИ, гордый Римъ, земли самовладѣтель,
Ты былъ ли, о свободный Римъ?
Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ
Подходить съ грустію ихъ чуждый навѣститель.
За что утратилъ ты веселье прежнихъ дней?
За что, державный Римъ, тебя забыли боги?
Градъ пышный, гдѣ твои чертоги?
Гдѣ сильные твои, о родина мужей!
Тебѣ ли измѣнилъ побѣды мощный геній?
Ты ль на распутіи временъ
Стоишь въ позорище племень,
Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?
Кому еще грозишь съ твоихъ семи холмовъ?
Судьбы ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель!
Или, какъ призракъ-обвинитель
Печальный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ?

Баратынскій.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

XVII.

Буря. — Страшная ночь. — Опасность. — Избавленіе. — Дикіе.

НАСТУПАЛЪ вечеръ. Мы рѣшили провести ночь на одномъ изъ небольшихъ острововъ. На полъ-пути поднявшійся вѣтеръ затруднялъ намъ плаваніе. Мало-по-малу вѣтеръ превратился въ бурю. Мы ждали ежеминутно, что лодка наша опрокинется,—замѣтивши скалу, пристали къ ней и высадились на берегъ, лодку привязали къ скалѣ. Мѣсто, на которое мы вышли, было такъ мало, что мы рисковали быть снесены въ океанъ. По счастью на верху скалы увидали небольшую пещеру—и забрались въ нее.

— Ну, сказалъ Петеркинъ,—мы, кажется, попали въ пещеру русалокъ. Вокругъ насъ вода и больше ничего.

— Устраивайтесь скорѣе, крикнулъ Джекъ,—выбирайте изъ лодки съѣстные запасы.

Мы устроились лучше чѣмъ ждали.

Ночь наступила непроглядная, мы не могли разсмотрѣть другъ друга, а шумъ бури заглушалъ голоса. Волны почти достигали пещеры. Временами молнія освѣщала окружающую

насъ водяную завѣсу, увеличивая ужасъ общей картины. Нельзя описать чувства счастья когда день заглянулъ къ намъ изъ мрака—буря стихала и мы крѣпко уснули. Пробудившись, увидали стихнувшее море и яркое свѣтившее солнце на темно-голубомъ небѣ. Мы сѣли на лодку и поплыли. Вскорѣ на горизонтѣ обозначился нашъ островъ—около вечера мы высадились на него. Луна и звѣзды сіяли на яхонтовомъ небѣ.—Радостно выпрыгнули мы на нашъ берегъ.

Въ жилищѣ нашемъ мы нашли все въ порядкѣ.

Черная кошка спокойно спала, свернувшись на коралловомъ столѣ.

Жизнь наша потекла обычнымъ образомъ—ловили рыбу, охотились въ лѣсахъ, взбирались на горы смотрѣть не видится ли корабль на горизонтѣ.

Дома готовили себѣ одежду и шили обувь изъ выдѣланной нами шкуры старой свиньи. Временно поговаривали построить домъ.

Однажды сидѣли мы у брызжущей скалы какъ увидали на горизонтѣ два чернѣвшіеся предмета—„чайки“, подумалъ я, „киты“, вскрикнулъ Петеркинъ, заслоня глаза рукою. Виднѣвшіеся предметы приближались къ намъ.

— Кажется лодки, сказалъ Джекъ, только что-то странно двигаются.

По лицу Джека пробѣжала тѣнь тревоги.

Вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста, крикнувши: Ральфъ! Челноки! Челноки южныхъ острововъ, жители ихъ страшные людоеды, и не терпятъ чужеземцевъ. Надобно спрятаться. Избави Богъ, если имъ вздумается у насъ высадиться.

Встревоженные, мы побѣжали въ лѣсъ, позабывъ взять свое оружіе.

— Не бѣда, сказалъ Джекъ,—съ насъ довольно и нашихъ палокъ, запасенныхъ на скалѣ.

Спрятавшись за скалой, мы стали наблюдать за челноками. За переднимъ челнокомъ, въ которомъ кромѣ мужчинъ

было нѣсколько женщинъ и дѣтей,—несся другой челнокъ наполненный одними вооруженными мужчинами. Передовой челнокъ приблизился къ берегу подъ тѣми самыми скалами, за которыми скрывались мы. Пѣна струилась съ ихъ веселья. Глаза гребцовъ сверкали,—толпа быстро выбралась на берегъ, три женщины, изъ которыхъ двѣ держали на рукахъ по ребенку, и одна молодая дѣвушка бросились въ лѣсъ; мужчины, вооруженные камнями и копьями, столпились у воды.

Преслѣдовавшій челнокъ живо приближался къ берегу—ихъ встрѣтили градомъ камней.

Несмотря на это,—дикари съ неистовымъ крикомъ бросились съ челнока въ воду, вплавъ достигли берега и съ палицами въ рукахъ бросились за своими врагами. Завязался ужасающій бой. Въ ручной схваткѣ они были еще страшнѣе.

Всѣ дикари были почти совсѣмъ нагіе. Одинъ изъ нихъ гигантскаго роста, повидимому ихъ вождь, былъ татуированъ съ головы до ногъ, сверхъ того, его лицо было окрашено въ краску красную, съ бѣлыми полосами. Волосы, окрашенные въ желтую краску, походили на высокую шапку; глаза блестѣли точно уголья.

На этого вождя напалъ дикарь, такого же какъ и онъ высокаго роста, въ рукахъ у него была тяжелая палица, съ оконечностью въ родѣ орлинаго клюва. Нѣсколько мгновеній они какъ бы присматривались, чтобы застать другъ друга въ распlohъ, но видя что это неудается, съ дикимъ крикомъ бросились одинъ на другаго. Желтоволосый споткнулся, противникъ бросился на него съ палицей, но былъ поверженъ на землю подоспѣвшимъ воиномъ,—при видѣ павшаго вождя, прежде прибывшіе дикари бросились бѣжать въ кусты, но всѣ были переловлены и связаны по рукамъ и по ногамъ, затѣмъ побѣдители побѣжали отыскивать женщинъ и дѣтей. Одинъ изъ дикарей принесъ связку хвороста и связаннаго плѣнника, зажегъ костеръ, убилъ плѣнника палицей, разрѣзалъ его на ча-

сти и принялся жарить. Другіе дикари привели женщинъ съ дѣтьми и красивую, молодую дѣвушку съ кроткимъ, пріятнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Цвѣтъ кожи ея былъ свѣтлѣе ея подругъ. На женщинахъ были надѣты короткія юбочки, а на плечахъ накинута что-то въ родѣ пелеринки.

Высокій вождь приблизился къ женщинѣ съ груднымъ ребенкомъ и хотѣлъ взять его, мать съ крикомъ ужаса прижала малютку къ груди. Вождь выхватилъ дитя изъ рукъ матери и швырнулъ въ море.

Тихій стонъ раздался изъ устъ Джека при видѣ упавшей безъ чувствъ женщины. Волны выбросили малютку на берегъ, какъ бы не желая участвовать въ преступленіи. Малютка былъ живъ.

Затѣмъ вождь обратился къ молодой дѣвушкѣ, замѣтно съ угрозами.

— Петеркинъ, сказалъ Джекъ, ножъ у тебя?

— У меня, отвѣтилъ Петеркинъ, блѣдный какъ смерть.

— Скорѣй бѣгите въ кусты, сказалъ Джекъ, разрѣжьте веревки на плѣнникахъ и освободите ихъ.

Самъ же онъ схватилъ тяжелую дубину, и въ ту минуту, какъ человѣкъ, убившій дикаря, приблизился къ дѣвушкѣ, Джекъ бросился со скалы, прежде чѣмъ дикари опомнились отъ изумленія, однимъ ударомъ спицею убійцу, и какъ молнія бросился на громаднаго вождя; желтоволосый, проворно, какъ кошка, отскочилъ въ сторону. Къ счастію, Джекъ сильно владѣлъ собой, онъ не потерялся, а сталъ наносить дикарю частые, ловкіе удары. Присутствующіе не смѣли вмѣшаться въ эту битву; но когда желтоволосый, утомленный прежней битвою, сталъ задыхаться, они приблизились, чтобы помочь ему, — Джекъ, увернувшись отъ занесеннаго удара, такъ ударилъ вождя по лицу, что тотъ повалился на землю, падая, уронилъ и Джека и закрылъ его собой. Эта минута спасла Джека. Прежде нежели дикари успѣли освободить его изъ-подъ вождя, они были поражены появившимися освобожденными плѣнниками, а черезъ десять

минуть мы съ Джекомъ и съ освобожденными захватили въ плѣнъ всѣхъ противниковъ своихъ, связали ихъ по рукамъ и ногамъ и положили на берегу моря.

Дикари окружили насъ, осматривали съ удивленіемъ и осыпали вопросами, на которые, конечно, отвѣчать мы не могли, но желая выразить имъ дружеское отношеніе, Джекъ крѣпко пожалъ вождю руку. Дикари поняли значеніе этого поступка и поочередно стали жать и трясти намъ руки.

Джекъ подошелъ къ дѣвушкѣ, неподвижно стоявшей на скалѣ, и сдѣлалъ ей знакъ идти за нимъ, потомъ взялъ за руку вождя и повелъ его, а за нимъ и всѣхъ, въ наше жилище; въ это время взоръ его упалъ на лежащаго на берегу ребенка; ребенокъ былъ еще живъ; Джекъ взялъ его на руки и поднесъ къ матери, которую мы старались привести въ чувство. Едва только Джекъ положилъ ей на грудь малютку и прижалъ его теплое личико къ ея щекѣ, какъ она открыла глаза и съ крикомъ радости сжала дитя въ своихъ объятіяхъ, стараясь встать на ноги и убѣжать съ нимъ въ лѣсъ.

— Вотъ и прекрасно, сказалъ Джекъ. Теперь угостимъ всѣхъ какъ можно лучше.

Спустя нѣсколько минутъ, дикари, сидя около нашего жилища, роскошно ужинали, а мы утомленные, усталые бросились на свои постели и уснули крѣпкимъ сномъ. Вскорѣ и дикари послѣдовали нашему примѣру.

Солнце взошло уже высоко, когда мы всѣ проснулись и стали готовить завтракъ. Мы старались объясняться съ туземцами знаками, Джекъ, указывая на себя и Петеркина, повторялъ наши имена. Вождь понялъ и, указывая на себя, два раза повторилъ „Тараро“, потомъ, указавши на дѣвушку, сказалъ: „Аватей“. Джекъ подошелъ къ Аватеѣ и назвалъ ее по имени, она печально улыбнулась.

Послѣ завтрака Джекъ повелъ дикарей туда, гдѣ была битва и еще лежали связанные плѣнники, онъ велѣлъ развязать ихъ и накормить принесенной для нихъ нами пищей.

Затѣмъ велѣлъ вырыть яму и похоронить убитыхъ. Вожь желтоволосый былъ опущенъ послѣднимъ.

Дня три дикари чинили свой челнокъ, отличавшійся своеобразнымъ устройствомъ; онъ имѣлъ видъ двойнаго челнока.

Мы удивлялись остроумію и вмѣстѣ съ тѣмъ неуклюжести этого устройства.

Когда челнокъ былъ готовъ, дикари перевели на него плѣнниковъ и нагрозили съѣстными припасами.

Въ день отбѣзда Тараро знаками приглашалъ насъ къ себѣ, мы отрицательно покачали головой, но утѣшили его, подаривъ ему нашъ ржавый топоръ и деревянную дощечку съ вырѣзанными на ней нашими именами и шнурокъ.

Аватея послѣдняя простилась съ нами и выразила сожалѣніе тѣмъ, что, подойдя къ Джеку, потерялась своимъ маленькимъ плоскимъ носомъ о его носъ, а потомъ оказала этотъ привѣтъ и мнѣ съ Петеркинымъ.

Черезъ часъ послѣ прощанья, челнокъ исчезъ у насъ изъ вида и мы съ чувствомъ неопредѣленной грусти сидѣли молча подъ тѣнью нашихъ деревьевъ.

XVIII.

Парусъ.—Залпъ.—Кончина черной кошки.—Нырокъ.—Ужасная катастрофа.

Однажды ночью мы готовились ловить рыбу и купались, а Петеркинъ грѣлся на выступѣ скалы. Взглянувши вверхъ, я замѣтилъ, что Петеркинъ подаетъ мнѣ знаки, я подтолкнулъ Джека и мы вышли на берегъ.

— Парусъ! парусъ! Ральфъ, тамъ вдали на горизонтѣ, кричалъ Петеркинъ.

— Шкуна! сказалъ Джекъ и сталъ одѣваться.

При этомъ открытіи у насъ сильно забилося сердце. Если бы эта шкуна пристала къ берегу, вѣрно капитанъ взялъ бы насъ къ себѣ и мы имѣли бы возможность попасть въ Англію. Родина со всѣми воспоминаніями воскресла въ нашемъ воображеніи.

Боясь, что насъ не замѣтятъ, мы стали махать кусками кокосовой ткани. На шкунѣ показалось движеніе и отчалила лодка. Вдругъ вздернули на шкунѣ флагъ, взвилось бѣлое облачко, раздался пушечный выстрѣлъ и ядро снесло нѣсколько кокосовыхъ деревьевъ. Тутъ мы замѣтили, что флагъ былъ черный—съ ужасомъ переглянулись, и вскрикнули „пираты!“ Лодка приблизилась къ берегу.

— Бѣгите за мной, сказалъ Джекъ. Мы бросились къ брызжущей скалѣ—тамъ и остановились.

Къ берегу причалила лодка, наполненная вооруженными людьми. Экипажъ высадился и пошелъ къ нашему жилищу; но вскорѣ оттуда удалились. Одинъ изъ пассажировъ схватилъ за хвостъ кошку и швырнулъ ее далеко въ море.

— Намъ одно спасенье, сказалъ Джекъ,—алмазная пещера. Мы уговорили нырнуть съ нами и Петеркина.

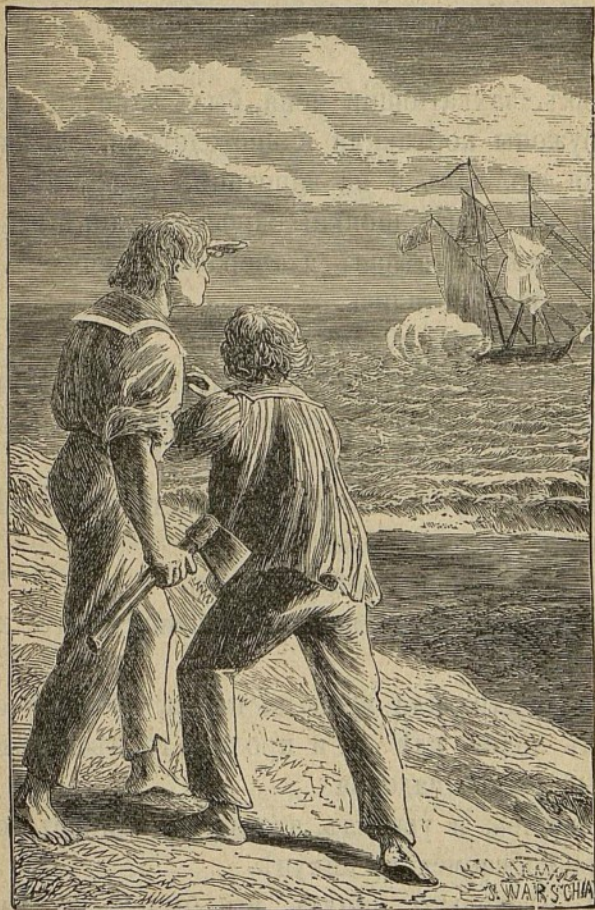
Между тѣмъ пираты разсыпались по берегу—и замѣтили насъ.

— Ныряйте скорѣй, сказалъ Джекъ, или мы погибли.

Черезъ нѣсколько секундъ мы были на выступѣ скалы. Тамъ Джекъ досталъ спрятанный факель и труть, факель вспыхнулъ и передъ изумленнымъ взоромъ Петеркина освѣтились чудеса пещеры. Тамъ хранилось у насъ много кокосовыхъ орѣховъ и другихъ плодовъ, также лежали свертки кокосовой ткани—мы натаскали ихъ туда какъ бы предчувствуя, что они намъ понадобятся. Поужинавши и устроивши себѣ постель изъ кокосовой ткани, какъ только дневной свѣтъ исчезъ изъ трещины скалы, мы погасили факель и легли спать. Но едва блеснуло къ намъ утро, я отправился на берегъ за съѣстными припасами. Шагъ за шагомъ, осторожно взобрался на скалу и взглянулъ на море. Шкуна пиратовъ отплывала. Я вздохнулъ глубоко и радостно и проговорилъ вслухъ:—„да, они отплываютъ!“

— Не совсѣмъ такъ, отвѣтилъ подлѣ меня чей-то голосъ, и сильная рука схватила меня за горло. Я обмеръ отъ страха. Подлѣ меня стоялъ человѣкъ высокаго роста,

загорѣлый отъ бурь и непогодъ, въ одеждѣ моряка, на головѣ у него была феска, талию охватывала дорогая турецкая шаль, за нее были заткнуты два пистолета и кортикъ.

Парусъ! Парусъ!

— Ты думалъ ускользнуть, сказалъ онъ, крѣпко сжимая мнѣ руку—да не тутъ-то было.

Сказавши это, онъ пронзительно свиснулъ. Въ отвѣтъ раздался такой же свистъ и лодка пиратовъ быстро приблизилась къ берегу.

XIX.

Пираты.—Разлука.

Экипажъ высадился на берегъ; это были люди свирѣпаго вида.

Человѣкъ, захватившій меня, былъ капитанъ шкуны. Всѣ были вооружены кортиками и пистолетами, одежда на нихъ была такая же, какъ и на капитанѣ.

— Гдѣ же другіе щенки? спросилъ одинъ изъ пиратовъ.

— Не скажу, отвѣчалъ я твердымъ голосомъ.

Пираты расхохотались.

Капитанъ взвелъ курокъ, говоря:

— Не скажешь, застрѣлю. Гдѣ твои товарищи?

Я колебался. Вдругъ у меня мелькнула мысль.

— Стрѣлай! отвѣчалъ я, не скажу.

— Бросайте его въ море, закричалъ капитанъ, живо!

Я только этого и желалъ.

Пираты изумились моей смѣлости.

— Стойте, крикнулъ капитанъ. Тащите его въ лодку— вѣтеръ свѣжѣетъ.

Пираты подхватили меня на плечи, сбѣжали со скалы и бросили въ лодку, гдѣ я и пролежалъ нѣсколько времени оглушенный силою паденья.

Опомнившись, я увидалъ, что мы вышли изъ коралловаго рифа и приближаемся къ шкунѣ.

Спустя нѣсколько минутъ, мы были уже на шкунѣ и нашъ островъ мало по малу остался за нами.

Я стоялъ на палубѣ, опираясь на укрѣпленіе и наблюдая за происходившимъ, съ удивленіемъ замѣтилъ, что на шкунѣ не было ни ружей, ни пушекъ. Шкуна походила больше на торговое судно, нежели на судно пиратовъ, мѣдная обшивка и гвозди блестѣли точно новые, палуба была чиста и гладка, мачты полированы, всѣ снасти въ лучшемъ

порядкѣ. Все показывало большую заботливость и строгую дисциплину.

Въ суровомъ лицѣ капитана замѣтна была нѣкоторая искренность, смѣлость и нравственная сила, которая давала ему власть надъ другими.

Думая о товарищахъ, я глубоко вздохнулъ и слезы медленно покатались по лицу моему.

— Что ревешь, волченокъ? произнесъ капитанъ, подойдя ко мнѣ, и сильно ударивъ меня по плечу.

Я вынулъ платокъ и молча отеръ слезы.

— Я думалъ, ты умнѣе, слезливый щенокъ, сказалъ капитанъ,—ступай внизъ шкуны и жди приказаній.

Отправляясь внизъ, я замѣтилъ небольшой боченокъ съ надписью „порохъ“—подхватилъ его и сбросилъ въ море.

— Мальчишка! волченокъ! что ты дѣлаешь, съума сошелъ, крикнулъ капитанъ, и схватилъ было меня за руку.

— Если ты меня ударишь, сказалъ я, вспыхнувъ,—ничего не узнаешь. Не тронь меня—разскажу все.

Капитанъ отступилъ съ изумленіемъ говоря: „ну, говори!“

— Я бросилъ боченокъ потому, отвѣчалъ я, что его вѣрно отнесетъ къ нашему острову, у товарищей моихъ нѣтъ пороха, а есть пистолеть. Вотъ и все. Застрашать же меня не ждите.

Капитанъ улыбнулся, засунулъ руку за шаль и ушелъ въ каюту.

Пираты встрѣтили меня взрывомъ одобренія и смѣха, одинъ, хлопнувъ меня по спинѣ, сказалъ: „молодецъ, мальчикъ, будешь отличный товарищъ! Напѣ Билль былъ точно какъ ты и вышелъ отчаянный.“

Затѣмъ дали мнѣ кружку пива и жареной свинины. Я былъ голоденъ и съ радостью принялся ѣсть. Подлѣ меня сидѣлъ Билль и угрюмо молчалъ, а если же и отвѣчалъ, то беззаботно-небрежнымъ тономъ. Лицо его было мрачно и въ этомъ сходно съ капитаномъ.

Остальное время дня я провелъ въ грустныхъ размысленіяхъ; ихъ прервалъ голосъ вахтеннаго.

— Ей, вы, крикнулъ онъ, зажги лампу каютную, да пошлите этого мальчика къ капитану.

— Слышишь! ступай къ капитану, сказалъ Билль, да смотри въ оба, и указалъ мнѣ его каюту.

Небольшая серебряная лампа освѣщала каюту капитана, онъ сидѣлъ у стола и разсматривалъ карту океана. Увидя меня, онъ бросилъ карандашъ, который держалъ въ рукѣ, всталъ, растянулся на диванѣ и сказалъ:

— Мальчикъ! какъ тебя зовутъ?

— Ральфъ Роверъ, отвѣчалъ я.

— Откуда ты, и какъ очутился на островѣ?

Я рассказалъ капитану всю исторію нашу до его приплывія. Умолчалъ только объ алмазномъ гротѣ.

Когда я кончилъ, капитанъ сказалъ: „я вѣрю тебѣ“.

— Почему ты думаешь, что шкуна наша—шкуна пиратовъ?

— По черному флагу и по тону экипажа.

Капитанъ нахмурился минутно, потомъ сказалъ:

— Ты смѣлый мальчикъ. Что же касается чернаго флага—это безвредная шутка. Я не пиратъ, а просто торговецъ—сандальнымъ деревомъ. Веду торговлю съ островами Фиджи. Веди себя, Ральфъ, хорошо, я возьму тебя въ долю. Мнѣ надобенъ честный юноша, чтобы смотрѣть за каютой, стоять на вахтѣ и присматривать за торговлей.

Я былъ удивленъ, что шкуна не разбойничья, и сказалъ: „Не можете ли отвезти меня на нашъ островъ“.

Капитанъ улыбнулся и отвѣтилъ: „Теперь твой островъ слишкомъ далеко“.

Я согласился примкнуть къ экипажу, до тѣхъ поръ, пока достигнемъ какого нибудь цивилизованнаго мѣста, и поблагодаривши капитана, вышелъ на палубу съ стѣсненнымъ сердцемъ.

Былъ одинъ изъ тѣхъ тихихъ, знойныхъ дней, такъ ча-

стыхъ на Тихомъ океанѣ, когда вода и воздухъ, едва колеблясь, точно дышать. На темной лазурѣ не плавало ни облачка. Солнце ярко сіяло въ высотѣ и, отражаясь въ глубинѣ океана, пылало точно огненный шаръ. Если бы не живое дыханіе природы, то можно бы было принять вселенную за эфирный голубоватый шаръ, а нашу маленькую шкуну за единственно твердый предметъ во всемъ мірозданіи.

Не слышно было ни малѣйшаго звука, кромѣ мягкаго всплеска волнъ веслами, скрипа мачтъ, да по временамъ хлопали о мачты паруса. Подъ навѣсомъ сидѣли развалившись дежурные. Билль стоялъ у руля и задумчиво смотрѣлъ то на компасъ, то на голубыя волны. Несмотря на суровый видъ, Билль былъ мнѣ симпатиченъ; но какъ ни старался я съ нимъ сблизиться, онъ холодно отклонялся.

Въ этотъ разъ я подошелъ къ нему и спросилъ, почему онъ не говоритъ ни съ кѣмъ.

— Вѣроятно потому, что нечего сказать, отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Такіе люди какъ ты, замѣтилъ я, умѣютъ думать и говорить.

— Да, умѣютъ, отвѣчалъ Билль, но какіе могутъ быть здѣсь разговоры.

— Мнѣ кажется, Билль, ты могъ бы поговорить со мною. Я привыкъ къ дружескому разговору и нуждаюсь въ немъ.

Печальное выраженіе мелькнуло на лицѣ Билля.

— Гдѣ-же ты привыкъ къ дружеской бесѣдѣ?

Я рассказалъ ему какъ мы попали на островъ и нашу жизнь на немъ.

— Юноша! сказалъ Билль, здѣсь тебѣ не мѣсто.

— Конечно, отвѣчалъ я, — да что же дѣлать, надѣюсь скоро освободиться.

— Освободиться! возразилъ Билль. Что тебѣ сказалъ капитанъ, когда ты вступилъ на корабль?

— Сказалъ, что онъ торгуетъ сандаломъ, а не пиратъ,

предложилъ вступить съ нимъ въ часть и высадить меня гдѣ я захочу.

— Да, онъ сказалъ правду, отвѣчалъ Билль, онъ торгуетъ сандаломъ, но обманулъ когда..

— Поднимать паруса! крикнулъ часовой на топъ-мачтѣ.

— Что тамъ? спросилъ Билль.

Встревоженные матросы вскочили и стали оглядывать горизонтъ.

Капитанъ вышелъ на палубу, сталъ разсматривать въ подозрную трубу показавшійся парусъ и отдалъ приказанія.

Мгновенно все зашевелилось на шкунѣ, — стеньги были убраны, матросы стояли у парусовъ, вѣтерокъ неся къ намъ темно-голубой полосой и ударился о носъ. Шкуна дрогнула, граціозно склонилась по вѣтру и прорѣзала волны, въ ту минуту какъ Билль направилъ ее къ показавшемуся судну, шкуна пошла на всѣхъ парусахъ.

Подняли британскій флагъ, отвѣта не было.

Капитанъ велѣлъ сдѣлать по показавшемуся судну залпъ изъ пушки. Тяжелое ядро ударилося въ воду и сдѣлавъ скачекъ въ воздухѣ погрузилось въ океанъ, на милю отъ чужой шкуны.

Странное судно отдало паруса, и мы приблизились къ нему.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 августа 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Вгтелевъ пер., д. № 11—2.